

Татьяна Герцик

БАНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Татьяна Герцик

Банальная жизнь

«Дана Хадсон»

2013

Герцик Т.

Банальная жизнь / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2013

Яна не верит больше в мужскую любовь. После измены мужа она во всех мужчинах видит его подобие. Оставшись с двумя мальчишками, некогда мечтать о каких-то там светлых чувствах. Детей бы вырастить порядочными людьми...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Татьяна Герцик

Банальная жизнь

Глава первая

Как обычно в субботнее утро, на площади вокруг нашего профсоюзного дворца культуры не было ни одной живой души. Весна боролась с зимой, по асфальту привольно разлились грязные лужи, но вдоль тротуара еще высились огромные потемневшие сугробы. Осторожно, выбирая местечки посуше, я пробралась к дверям библиотеки, где имела честь служить заведующей, и увидела знакомую картину – на тротуаре, наглухо перегораживая вход, уютно устроилась здоровенная сверхнаглая машина цвета навозной мухи, впрочем, очень красивая.

Не раздумывая долго, я с силой стукнула увесистой сумочкой по надменно вздернутому капоту. Испуганное авто тут же издало протяжный призывный вопль, на который из дверей клуба боевых искусств выскочил распаренный жлоб в синем трикотажном костюме. Я одобрительно следила за его двухметровыми скачками. Надо же, какие ноги длинные, ему и автомобиль ни к чему, он и без него везде успеет.

Подбежав к машине, он хрипло спросил, суматошно оглядывая ее в поисках взлома:

– Где он?

Не понимая, о ком идет речь, я заинтриговано переспросила:

– Кто?

Он посмотрел на меня, как на недоумка, и рывкнул:

– Да взломщик!

Так меня еще никто не величал, и я невольно приосанилась, возгордись собой.

– Это я взломщик. Только мне ваша машина не нужна. Наоборот, жутко мешает. Будьте так добры, – в эти слова я постаралась вложить всё отпущенное мне природой ехидство, – отгоните свой автомобиль на положенное ему место и освободите дорогу!

Жлоб не рассердился и не завопил, как я ожидала, а озадаченно почесал в затылке, демонстрируя небывалое среди клубного контингента хорошее воспитание.

– А машина что, в самом деле мешает?

Это меня умилило. Ну, прямо святая простота! Сам не видит, что ли? Популярно объяснила:

– Сугробы же кругом! Если вы ее не передвинете, мне на работу придется лезть по ней. Эмаль поцарапаю, поскольку каблучки у меня подбиты железными набойками. Возможно, и стекла выдавлю, вес у меня, уж извините, не птичий.

Во время моей устрашающей речи жлоб смотрел на меня с всё возрастающим недоумением. Спорить не стал, а развернувшись рысцой потрусил обратно в клуб. Я возмутилась такой беспардонностью и уже хотела снова вдарить по машинке, когда меня осенило: у него же нет с собой ключей от авто! Ведь не кладет же он их в карманы спортивных штанов, когда идет заниматься.

Через пару минут он и в самом деле возвратился, на сей раз в цивильном черном костюме. Быстрым шагом подошел к машине, не глядя на меня, молча сел в салон. Завел мотор, сразу заурчавший басовито и надежно, выехал на дорогу, газанул и уехал, не подумав извиниться.

Пожав плечами, я тихонько фыркнула ему вслед. Чего еще ждать от клиентов клуба боевых искусств? Они только драться умеют, вежливости их там никто не учит, да и без надобности она им. Вот только указал мне ручкой, и я моментально в сторонку прыгнула, не захотелось вытирать о себя грязные колеса его авто.

Пройдя по освобожденной дороге, открыла входную дверь и по гулкому коридору дошла до своего кабинета. В вестибюле послышался шум – на работу пришли Ванда Васильевна с Людой. У Софьи с Верой Сергеевной сегодня был выходной. Поздоровавшись, дамы отправились на рабочие места, абонемент и читальный зал. Я пошла следом, посмотреть, всё ли в порядке. Читателей еще не было, и мы скучковались на втором этаже, в читальном зале, предоставив нашей уборщице Марье Степановне без помех вымыть пол на первом.

Поговорила с Вандой Васильевной, приятной одинокой дамой немного за пятьдесят, о здоровом образе жизни. Представления о нем у нее менялись каждый раз после прочтения очередной статьи, и она принималась убежденно доказывать преимущества именно этой системы. На сей раз она рассуждала о пользе раздельного питания, хотя на прошлой неделе была уверена, что лучший способ сохранить здоровье это сыроедение. Причем она не только говорила, она все эти идеи добросовестнейшим образом испытывала на себе. Невольно позавидуешь ее богатырскому здоровью!

Во время нашей беседы Людмила пробежала мимо нас раз пять, громко стуча каблучками, пока Ванда Васильевна не снизошла:

– Да классные у тебя джинсы, Людмила! И сидят на тебе как влитые!

Только после ее слов я обратила внимание на Людмилины ноги. Ничего особенного в ее черных штанах я не заметила, но что я понимаю в одежде? – поэтому старательно поддержала:

– Хорошие джинсы. Аккуратные такие, немаркие.

Люда снисходительно посмотрела на меня и пожала плечами. Вот еще пример того, что молчание – золото. Чего греха таить, в моде я полный профан.

Убедившись, что в библиотеке всё в должном порядке, я ушла в свой кабинет, выходящий на дворцовую площадь. Только села за свой стол, как по коридору гулким эхом разошелся трубный глас директора дворца Абрама Серафимовича. Вообще – то отчество у него было другое, но столь сложное, что все его знакомые использовали предложенный им упрощенный вариант.

Вышла в фойе и узрела нашего маленького лысого директора, рядом с которым по-хозяйски обосновался здоровенный владелец клуба боевых искусств Вадим. Задумчиво полируя и без того сверкающую лысину, Абрам Серафимович скептически оглядывал стену, покрытую патиной времени, а именно трещинами в осыпающейся штукатурке.

Я мило подтвердила его молчаливый вывод:

– Ага, давно ремонт делать надо, это вы правы!

Поморщившись, он повернулся ко мне и учтиво поздоровался, сделав вид, что не расслышал моих провокационных слов. Приемчик из репертуара слабенького руководителя, между прочим! Но, что греха таить, я и сама частенько к нему прибегаю во время неприятных разговоров. Каков поп, таков и приход. Укоризненно, но мягко, как любящий отец, слегка журивший провинившуюся дочку, директор проговорил:

– Что же вы, милейшая Яна Ивановна, клиентов Вадима распугиваете?

У меня стало противно на душе. Неужели утрешний жлоб еще и владельцу клуба нажаловался? Сам ведь виноват! Да, перевелись ныне нормальные мужики на Руси, перевелись!

Вадим важно вступил в разговор, развернув плечи, как петух перед дракой. До чего чванливый мужик, терпеть таких не могу! Напыжась, заявил неожиданно тонким воркующим голоском:

– Один из наших лучших спортсменов сегодня прервал занятия и даже душ не принял, так спешил по вашему требованию свою машину убрать, хотя, я уверен, она вам вовсе и не мешала! Просто характер у вас, уж извините, на редкость пакостный.

Мне немедленно захотелось сверкнуть ярчайшими гранями моего столь объективно обрисованного характера. Простодушно согласилась, от всего сердца желая сделать ему приятное:

– Ага, уж очень мне ваши тупые рожи не нравятся! Ваша, правда, лучше всех.

Вадим стал напряженно соображать, в каком смысле его физиономия всех лучше. Всех тупее, или, наоборот, как раз ничего? Так и не уразумев, лучше он или хуже остальных, обидчиво повернулся к давящемуся от смеха Абраму Серафимовичу.

– Ну вот, вы слышали! Сплошные оскорбления! А попробуй я ей что-нибудь в ответ скажи, тут же истерика начнется!

Этот поклеп возмутил меня до глубины души. У меня истерик никогда не бывает, у меня характер нордический, абсолютно уравновешенный, что и захотелось доказать ему наглядно, залепив увесистую оплеуху по румяной щечке. Но директор, не дав мне вставить и слова, миролюбиво пробормотал, в который раз продемонстрировав недюжинный дипломатический талант:

– Да разве ж вас кто в чем упрекнул? Я только комплименты слышал, про то, что вы лучше всех. Я грешным делом даже подумал, а не влюбилась ли в вас наша Яна Ивановна? Она женщина молодая, а вы, что правду скрывать, уж очень хороши.

Чтобы достойно поддержать эту фантазмагорическую версию, я скромно потупила горевшие насмешливым огнем глаза и повертела кончиком носка по паркетному полу, как маленькая застенчивая девочка. Поняв, что над ним насмеваются, Вадим разъяренно покраснел, повернулся и ушел, неотесанно хлопнув дверью.

Удрученно вздохнув от неподобающего обращения с вверенным мне имуществом, я пригласила дорогого директора к себе. Налила ему чашечку крепкого кофе без молока и сахара, как он любил, и раскаянно повинулась:

– Зря я с ним так. Наверное, вам потом трудновато будет общаться с этим типом?

Абрам Серафимович артистично взмахнул пухлой рукой.

– Да Бог с тобой! Наоборот, я ему на тебя же еще и пожалуюсь! Он же меня еще и пожалует! Ведь так трудно работать с дурными бабами! – и лукаво мне подмигнул. – Но ты всё-таки особенно не высовывайся. Женщина ты умная, но вот темперамент у тебя африканский! И в кого ты такая удалась? Родители у тебя вроде люди мирные.

Я устало опровергла его слова.

– Это жизнь у меня тяжелая. Нервишки в связи с чем расшатанные. С помощью Михаила, естественно. В одиночку я таких потрясающих результатов никогда б не достигла.

Абрам Серафимович, хорошо знавший и моих родителей, и меня с рождения, и, соответственно, всю историю моей жизни, согласно кивнул головой.

– Да, пожалуй, ты права. Но, с другой стороны, кто тебя за этого охламона замуж-то идти заставлял?

Уныло покивала носом, соглашаясь.

– Да я никого и не виню. Планида у меня такая, видимо.

Немолодой мужчина с прищуром взглянул на меня.

– Да не журишь ты раньше времени, девка! Молодая еще, всё наладится! – и, потрепав меня по плечу, как щенка, ушел.

Бормоча на ходу, я поплелась в туалет мыть его чашку:

– Надо же, нашел молоденькую! Тридцать пять уже, двое парней на руках. Кому я нужна? – немного подумав, решила добавить позитива, чтобы было не так обидно: – С другой стороны, тридцать пять – возраст мудрости, и никакой дурак мне больше не нужен!

Зеркало над умывальником было со мной полностью согласно. Во всяком случае, улыбка особа с лукавыми карими глазками и каштановыми волосами почти до пояса смотрелась вполне недурно, и, несомненно, не нуждалась в мужском руководстве.

Повернувшись то одним, то другим боком, я решила, что фигура вполне соответствует моим представлениям о красоте девятнадцатого века, который я так ценила: пышная грудь и такие же бедра при тонкой, как в девичестве, талии, придавали ей вид песочных часов. Прямо

как у дам на картинах Ренуара или Клода Моне. Волосы, собранные наверху, подчеркивали точеную, ну, или почти точеную шею. На мой несовременный взгляд, весьма, весьма неплохо.

Успокоенная, я вернулась в кабинет, намереваясь дисциплинированно продолжить работу. Но не тут-то было.

В дверь кто-то неуверенно постучал. Я насторожилась. В кабинете медленно, то ли робея, то ли, наоборот, заставляя нервничать меня, нарисовалась жена моего бывшего мужа. Вот это да! И чего ей здесь надо?

С сомнением поглядывая на меня, она, не здороваясь, прошла к столу и села на место для посетителей. Я молча ждала продолжения. Сердце стало биться неровными болезненными толчками, сразу вспомнились подлости, устроенные мне этой приятной с виду дамочкой.

Когда я рожала Сергея, старший, Андрей, был у моих родителей. Михаил, как порядочный муж, каждый день ко мне приходил, передачи приносил, что-то приятное даже говорил. Из роддома забрал на машине, договорился с другом, как положено. Я ничего не предчувствовала, мне казалось, что в моей семье всё замечательно. Но в один прекрасный день ко мне забежала соседка Таня и, волнуясь, предупредила:

– Сплетничать нехорошо, конечно, но я больше молчать не могу! Весь этот год, пока тебя дома не было, у тебя такое творилось! Михаил из ночной смены всегда приходил с какой-то бабой. Уходила она только перед твоим приходом. А когда ты в роддоме была, вообще здесь жила. Не сердись за дурную весть, но об этом все уже знают.

И всё, рухнул мой маленький уютный мирок. В тот же вечер спросила Михаила, в чем дело. Он отпираться не стал, прямо объяснил, что встретил хорошую женщину, и не уходил только потому, что детей ему было жалко.

Ну что ж, если я вдруг попала в разряд нехороших женщин, то и пришлось ею стать, чтоб не нарушать отчетности. Собрала его вещички и поставила у порога, а когда Михаил попытался права качать и доказывать, что он здесь хозяин, попросила помощи у наших заводских юристов, и они помогли мне квартиру отсудить.

Обосновали это тем, что квартира выделена за счет средств завода мне и моей семье. А поскольку бывший муж к членам моей семьи теперь не относится, то и претендовать на нее не имеет права. Разозленный экс ушел жить к подруге, Надежде, она с родителями жила в двухкомнатной квартире. Самое забавное, я ее знала, она много раз к нам в библиотеку приходила и всё поглядывала на меня этак снисходительно. Я никак не могла понять, в чем дело. Теперь поняла.

Надежда напряжилась и выпалила:

– Яна Ивановна, Михаил скоро совсем сопьется!

Озадачившись, я вопросительно подняла брови.

– А я здесь при чем? Я с ним не пью.

Уверенно, будто на приеме у психотерапевта, она продолжала:

– Я-то думала, он хороший, просто ему с вами плохо, а он настоящий подлец! Пьет, гуляет, да и орет на меня к тому же!

Опешив, я молча смотрела на ее миленькое простоватое личико. Ну, много чего я в этой жизни видела, но чтобы любовница, семью разбившая, бывшей жене на мужа жаловаться приходила, вот об этом я что-то не слыхала. Да, много есть дур на свете, но это уже перебор.

– Надежда Семеновна, вы от меня-то чего хотите? Я-то что должна для вашей семейки сделать?

Она наивненько так заявила:

– А вы поговорите с ним, он вас послушает! Он вас всегда уважал!

Я возмутилась:

– Нет уж, дорогая! На чужом несчастье счастья не построишь, не забыли? Что посеешь, то и пожнешь. Горе и слезы, которые вы мне принесли, к вам и вернутся! И, надеюсь, сторицей!

Она здорово удивилась.

– А разве вы переживали? Мне казалось, что вам всё равно было. Вы ведь и не ругались и не плакали.

Что за идиотизм!

– Ну что ж, теперь ваша очередь пришла порадоваться такой жизни. Думаю, Михаил на вас не остановится. Нет предела совершенству, а вы далеко не идеал. И решайте-ка вы свои проблемы сами, а мне работать надо.

Она ушла, удивленно покручивая маленькой головкой, а я так и не смогла понять, притворяется она, или действительно отличается поразительной нравственной глухотой. И всерьёз считает себя хорошим человеком. Есть ведь такие людишки, если им неплохо, то и всем вокруг должно быть хорошо, какие бы пакости они не творили. Хотя что ее одну-то обвинять. Их там двое было. Но всё же приходиться к любовнику домой, пока жены нет, и спать в чужой супружеской постели, это даже не наглость, это безнравственность и гнусность.

Сделав дыхательную гимнастику, чтобы хоть немного упокоиться, я принялась за работу. Нужно было подготовить отчет о нашей деятельности, а старую пишущую машинку постоянно заедало, и приходилось пробивать одну и ту же букву по несколько раз, прорывая бумагу до дыр. Как же в такие моменты я мечтала о хорошем компьютере! Но это были лишь пустые мечты. Наш завод дышал на ладан, не говоря уже о профкоме, которому мы де-юре принадлежали.

Ровно в шесть мы с сотрудницами закрыли библиотеку, сдали ее на охрану и отправились домой, радуясь, что завтра выходной и можно будет отоспаться.

Через неделю резко потеплело. Снег полностью стаял, журчали веселые ручьи, солнышко светило, воробьи гомонили, и настроение у меня было на редкость оптимистичным. На работу я шла почти как на праздник.

Под окнами спортивного клуба стояла уже знакомая мне изумрудная машинка. Оглядев ее от капота до багажника, я беспристрастно признала, что она весьма недурна, элегантная, ухоженная и, если бы речь шла о животном, можно было бы сказать: породистая.

Мне даже захотелось погладить ее по сверкающему бамперу, но этого, к сожалению, делать было нельзя, включится сирена, и доказывая потом, что ничего противозаконного я не хотела. Еще раз бросив на машинку одобрительный взгляд, безмятежно прошла мимо.

И тут она заверещала тошнотворным утробным воем. Я изумленно взглянула на нее, не понимая, в чем дело. Хотела идти дальше, но из клуба наперерез мне кинулся уже знакомый мне тип, на ходу напяливая пиджак и кому-то воинственно крича:

– Я с ней сам разберусь!

С кем он желает разобраться, со мной или машиной, я не поняла, но почему-то захотелось очутиться подальше отсюда в своем тихом кабинетике, среди безобидных книг. Мужчина на ходу вытащил из кармана пульт и прекратил пронзительные вопли. Подскочив ко мне, зло спросил:

– Чем вам опять помешала моя бедная машина?

Я честно ответила:

– Ничем. Я ее и не трогала.

Он просто запрыгал от возмущения.

– Не трогали? А с чего тогда сигнализация сработала?

Не принимая дурацких обвинений, я сердито посмотрела в его гневное лицо.

– Это вы у меня спрашиваете? А я почему-то думала, что владелец этой психопатки вы. Вы и должны знать, что это с ней такое.

Он гаркнул:

– Психопатка? Это вы про кого? – и со значением уставился в мое лицо, откровенно намекая, кого он тут считает психопаткой.

Но я не сдалась.

– А как еще называть машину, реагирующую на окружающих, мягко говоря, неадекватно? Идешь себе мимо, никого не трогаешь, а тебя обдают с ног до головы мерзкими звуками?

Он упрямо заявил:

– Если бы вы просто шли мимо, не трогая мою машину, то ничего бы и не произошло. А вы опять пнули ее ни за что ни про что!

Это меня вконец возмутило.

– Если бы я тронула этот, с позволения сказать, автомобиль, то и сказала бы об этом сразу. Неужели вы думаете, я стала бы отпираться?

Он презрительно смерил меня взглядом, и мне показалось, что он с большим удовольствием обозначил бы свое негодованием действием, подзатыльник мне залепил, как малолетнему хулигану, что ли...

– Да вы запросто напакостите и сбежите, чтоб не попало!

Опешив, я не поверила своим ушам.

– Как вы смеете! Да вы со своей подлой машинкой два сапога пара! Невоспитанные охальники! Вам бы только честных людей унижать!

Поняв, что зашел слишком далеко, он дал задний ход.

– Ну, хорошо, будем считать, что это досадная случайность. И мирно разойдемся.

Тут меня заело.

– Разойдемся? И как вас понимать? Вы ставите свою испорченную машиненку в неположенном месте, и заявляете, что это случайность? Оставили бы ее на автостоянке, ничего бы и не случилось. Или деньги экономите на чужих нервах?

Он вспылил.

– Да никогда сирена без повода не включалась! И сейчас наверняка повод был!

Я мило подтвердила:

– Ага, ваша машинка меня еще с прошлого раза невзлюбила, когда я ее по капоту двинула, вот и вопит, предупреждая вас, что это я иду! Нервная она у вас слишком! Лечить ее надо, желательно вместе с владельцем!

Он неприлично заржал.

– А ну, давайте-ка, просто так пройдите мимо! И увидите, что ничего не произойдет! Это всё ваши дурацкие козни!

Я не стала уточнять, что кознями занимаются ведьмы и можно считать, что он меня опять оскорбил. Величественно выпрямилась и, негодуя, глядя на эту непотребную машинку, прошла мимо нее на весьма и весьма приличном расстоянии. И, – о чудо! – она снова истошно заорала. Я с чувством глубокого удовлетворения посмотрела на изумленное лицо оппонента и с трудом удержалась, чтобы не показать ему язык. Только язвительно поинтересовалась:

– Ну, что?

Быстро выхватив пульт, тот отключил сигнализацию. Потом довольно близко прошел мимо своего впечатлительного авто сам. Машина дисциплинированно молчала. Он прошел еще раз, поближе. Результат был тот же. Тогда он повернулся ко мне и скомандовал:

– А ну, теперь вы!

Мне не понравился его командирский тон, но я, наступив на горло никчемушной гордости, снова промаршировала мимо машинки. Вздвогнув, будто я по меньшей мере принялась отвинчивать у нее колеса, та истошно взвизгнула. Обескураженный владелец остался стоять, огорошено глядя на свой сумасшедший драндулет, а я, не говоря больше ни слова, прошагала в библиотеку с видом оскорбленного достоинства.

Только достала из сейфа квитанции, чтобы составить справку для ревизоров, как в кабинет залетел экс. Что за неделя ненужных встреч! То его благоверная, то он сам.

Выпучив круглые бессовестные глазки, Михаил снисходительно посмотрел на меня, уверенный в своей неконкурентной значимости в моей жизни. Ну, конечно, кому я с двумя детьми нужна?

– Яна, может, ты меня простишь? Клянусь, я всю жизнь тебя одну любил, а с Надеждой черт попутал. Может, всё сначала начнем? Одна ты у меня свет в окошке. – Проворковал, абсолютно уверенный в моем согласии.

Вот фат! Мне на него даже смотреть было тошно. Сразу всколыхнулась старая боль. Это теперь я стала умнее и осторожнее, не то, что в былые времена, когда доверчивая была до омерзения. Что ни соврет, всему верила. По небольшим признакам сейчас догадываюсь, что изменял он мне, наверное, с самых первых дней совместной жизни.

– Да ты и Надежде в любви клялся и, подозреваю, многим и до, и после нее. Ты же трепло, тебе слова на ветер кидать удовольствие одно.

Он возмутился.

– Никогда я ей о любви не говорил. Одной тебе!

– А если проверить?

Он гулко стукнул себя в грудь.

– Проверяй!

И тут случилось нечто совершенно для него неожиданное. Я подняла трубку телефона, набрала номер Надежды и проговорила:

– Надежда Семеновна, это Яна. Твой муженек сейчас в моем кабинете сидит и мне в любви клянется. А про тебя говорит, что и не любил никогда!

Та как завопит:

– Да он мне про тебя то же самое говорит! Вот козел! Ну, придет он домой!

Дала послушать эксу ее приятные слова.

– Ну как?

Он позеленел.

– Не ожидал я от тебя, Яна, такой подлости! Ты всегда для меня примером была порядочности и доброты!

Я натужно рассмеялась.

– Ну, надо же! Как славненько роли-то были в нашей семейке расписаны! Я честная и порядочная, то бишь в твоём понимании наивная дура, которую грех не обмануть, а ты ловелас и подлец, который любую бабу вокруг пальца обведет. Но я от тебя кое-чему за годы совместной жизни научилась. Иди-ка ты отсюда!

Он, слава Богу, ушел, а я долго еще потом мучилась. Вспоминалось то одно, то другое, но я запретила себе думать о прошлом. Ни к чему травить с трудом затянувшиеся раны.

Глава вторая

Пришедший в мой кабинет Абрам Серафимович долго мялся, не зная, как подойти к терзающей его нелегкой проблеме. Смешно болтая в воздухе короткими ножками, он сидел на неудобном стуле напротив меня. Вот мол, я какой демократичный, не тебя к себе вызвал, а сам к тебе пришел. Вытащив большой платок в серо – зеленую клетку, тщательно промокнул лицо, тяня время и давая мне возможность проявить лучшие черты характера, а именно снисходительность и деликатность.

Естественно, такие ценные качества я попусту разбазаривать не собиралась и продолжала молча ждать начала трудного разговора. Наконец, засунув платок в карман и собравшись с духом, он скорбно проблеял:

– Тут вот какое дело, Яночка! Надо, э..., второй этаж библиотеки одной фирме уступить, э... Тут дело тонкое, политическое. Понимаешь, владелец этой фирмы близкий родственник нашего губернатора, поэтому нам взамен этой площади обещаны хорошие дотации на следующий год, мы на них весь дворец отремонтировать сможем. Так что, сама понимаешь...

Я понимала только одно: опять за счет культуры решены чьи-то коммерческие проблемы. Хотя, если честно, такой громадный читальный зал нам был ни к чему. Его посещало в день от силы человек двадцать. Но вслух этого не сказала: зачем умалять свое неизбывное страдание?

Абрам Серафимович постарался принять строгий вид, означающий, что спорить не о чем, и добавил:

– Это решение профкома, так что нам с тобой остается только повиноваться!

Горько вздохнув, я изобразила крайнее отчаяние, трагически стиснув бледной рукой свой пылающий лоб.

– Вот так всегда! Под колесами капитализма гибнет культура!

Абрам Серафимович поморщился.

– Ну, ты бездарно переигрываешь. Ближе будь к реалиям жизни, ближе.

Действительно, это был явный перебор, с этим я согласилась. По-деловому спросила:

– И когда место освободить? Учтите, мы сами таскать ничего не будем. И так каждый день тонны книжек перетаскиваем.

Директор сразу оживился. Конкретные дела ему всегда удавались гораздо лучше, чем уговоры. Воспрянув духом, гордо пообещал:

– Да вам и не нужно будет ничего носить! Фирма наймет грузчиков и всё сделает. Вы только подумайте, куда всё сложить. А приступим в понедельник. После выходных с новыми силами, так сказать.

И поднялся, довольный, что вопрос исчерпан. Он давно ушел, а я всё сидела в кабинете, перебирая возможные варианты переезда, выискивая оптимальные.

В дверь раздался негромкий стук. Я сразу поняла, что пришел чужак. Свои, как правило, подобной деликатностью не отличались. Наши дамы влетали ко мне сразу, предупреждая о своем появлении лишь громким стуком каблуков по паркету.

От непривычной вежливости стало не по себе. Сдержанно позволила:

– Войдите!

Дверь распахнулась и в кабинет вошел уже знакомый мне расфуфыренный тип. Тот самый, машину которого я неприличным способом выжила со своей дороги, а потом еще, по его мнению, цинично над ней издевалась. Он был в строгом темно-синем костюме, похожем на форму капитана дальнего плавания. Не хватало только золотого шитья.

Я напряглась, ожидая очередных неприятностей. Он тоже узнал меня и неловко замялся. Я кисло пригласила:

– Заходите уж, раз пришли, чего у порога топтаться!

Он прошел, сел на стул, на котором до него восседал директор и ехидно проговорил:
– Да уж, умеете вы ободрить застенчивых посетителей, Яна Ивановна!

В ответ я чуть не посоветовала ему заворачиваться в паранджу, чтобы меньше стесняться, но, вовремя вспомнив, что я на работе и высмеивать посетителей не имею права, прикусила язык. Его вид мне был так неприятен, что я демонстративно отвернулась к окну, чтобы не видеть лишний раз его физиономии.

– И какова же цель вашего визита?

Он серьезно посмотрел на меня и неожиданно сконфуженно признался:

– Понимаете, я тот самый владелец фирмы, что займет ваш второй этаж. Почему-то мне захотелось лично перед вами извиниться.

Я уточнила:

– Лично передо мной?

Он поправился:

– Перед вашим коллективом. И, поверьте, мы сделаем всё, чтобы не доставить вам лишних хлопот.

Продолжая негостеприимно разглядывать улицу, я вполне логично заметила:

– Ну, для этого вам нужно совсем немного, просто отказаться от своего намерения, только и всего.

Он показательно покашлял, намекая на то, что он тоже человек и мне стоит хотя бы изредка уделять ему свое драгоценное внимание. В силу хорошего воспитания мне пришлось оторваться от приятного голубого неба и посмотреть на него. Наткнувшись на мой вопрошающий взгляд, он поморщился и потер шею неожиданно беззащитным, каким-то детским жестом.

– Не могу. Слишком много на этом здании завязано. У меня здесь небольшой отдел, который позарез надо расширять. А рядом огромный читальный зал, почти не посещаемый.

При этих словах он запнулся и боязливо взглянул на меня, ожидая возмущенных опровержений, но я промолчала. О чем тут спорить?

– Я бы хотел посмотреть, что нужно сделать. – Попросил это на редкость робко, но при этом сверля меня взглядом так, будто собрался загипнотизировать.

Мне стало неуютно и захотелось посмотреть на себя в зеркало, может, у меня нос в грязи? А то с чего бы так меня разглядывать? Дабы прекратить неприятный процесс тотального исследования моей чахлой физиономии, пришлось встать и корректно предложить:

– Давайте пройдем на второй этаж, э...

Я посмотрела на него, думая как мне его называть? Мое – то имя он прочел на табличке у кабинета, а вот сам представиться не счел необходимым. Выпрямив спину, чтоб казаться повыше, а то он несколько подавлял меня своим ростом, я надменно протянула гостю правую руку, давая понять, что одариваю его монаршей милостью, и сухо произнесла:

– Как меня величать, вы знаете. Теперь ваша очередь. А то будет довольно странно, если я вас буду называть «будущий владелец». Или правильнее – арендатор? Хотя, с другой стороны, не запутаюсь, а то, честно говоря, память у меня на имена-отчества плоховата, мне как-то больше книги нравятся.

Вскочив, он с внезапно вспыхнувшими глазами взял мою руку, но не пожал, как я ожидала, а низко склонился и приложился к ней сухими твердыми губами, демонстрируя повадки дореволюционного ловеласа. Я с округлившимися глазами рассматривала его голову. Так, завиток на макушке один, значит и жена должна быть одна. А то у моего кузена на темечке три завитка, и жена у него третья. Хотя о чем это я? Совсем с ума сошла!

Тут его язык скользнул по моей коже горячим влажным кончиком, заставив меня запомнить, хорошо ли я помыла руки и когда это было в последний раз. Спohватившись, обозвала себя идиоткой. Если он подхватит стоматит, это его личное дело и к моим гигиеническим навыкам никакого отношения не имеет!

– Мамонтов Владислав Владимирович, или для краткости просто Влад! – не выпуская мою руку, он испытующе посмотрел мне в лицо, проверяя реакцию на свое провокационное поведение.

Никак не отреагировав на его инсинуацию, я изъехала у него свою конечность и вышла из кабинета. Дождавшись, когда он выйдет следом, с силой хлопбыстнула огромной дверью. По длинному пустому коридору пронесся тяжкий грохот, уходя гулким эхом в высоченный потолок.

Влад вздрогнул и с укором посмотрел на меня, явно приняв сей недружелюбный жест на свой счет. Но что делать? С меньшими усилиями дверь просто не закрывалась, проверено всеобщими многократными усилиями. Не вдаваясь в объяснения, я повела гостя на второй этаж, пока еще наш.

Осмотрев читальный зал, книгохранилище, подсобки второго этажа и пройдясь по первому, чтобы определить, куда стаскивать книги, мы вернулись обратно в мой кабинет.

Задумавшись о неизбежных переменах, я открыла дверь своим ключом, не совсем прилично вытащив его из – за ворота на длинном шнуре. Он покосился на меня сокрушенными глазами, но никак сие распушенное деяние не прокомментировал. А что делать, если я постоянно забываю ключ? Карманов-то в моих платьях нет.

Оценивая поспотррев друг на друга, как боксеры, вышедшие на ринг, мы сели на прежние места. Он изящно закинул ногу на ногу, сверкая начищенными ботинками и озадаченно побарабанил по колену загорелыми пальцами. Где он так загорел посредине зимы, интересно? На Канары небось ездил. Эх, мне бы там хоть раз побывать! Представился белый песок, голубое небо, зеленоватое море, в нос ударил солоноватый морской бриз...

В чувство меня привел глубокий баритон.

– Да, проблем больше, чем я ожидал, объем работ приличный. – И недоуменно поинтересовался, явно сочтя меня жмотницей с нездоровыми наклонностями, кем-то вроде Плюшкина женского рода: – А зачем вам столько барахла, явно ненужного? Если освободить все ваши сараи, то вполне можно сделать неплохой читальный зал здесь, на первом этаже, квадратов двести, двести пятьдесят выйдет.

Он совершенно не понимал тонких взаимоотношений между бдительным завхозом, грудью стоящей на страже этого барахла, и прочими сотрудниками этого светоча культуры. Пришлось прояснить ситуацию:

– У библиотеки нет своего имущества, всё принадлежит профкому. А профкомовский завхоз считает, что выбрасывать ничего нельзя, это общественное достояние и когда-нибудь может пригодиться. Вдруг начнется всемирный потоп, а мы сядем на наши старые деревянные столы со столешницами толщиной по десять сантиметров, так и спасемся. В жизни ведь всё бывает.

Не зная, как адекватно реагировать на эту чушь, он остолбенело уставился на меня. Шутка или нет? Моя серьезная физиономия и суровый взгляд широко распахнутых честных глаз уверили его в том, что я не шучу. Он замялся, не зная, как корректно убедить меня в том, что при всемирном потопе никакой стол не спасет.

Я не стала ждать его ответа, зная, что не выдержу и расхохочусь, испортив тем самым весь спектакль. Недоверчиво спросила:

– Если мы освободим все эти кладовки, вы в самом деле их перестроите и сделаете нам нормальное помещение для читального зала?

Он глубоко задумался, уставясь в пол. Я отчетливо увидела, как в его мозгу мечутся нейроны мощного биокомпьютера, подсчитывая убытки. Приготовив обличительную проповедь, с некоторым коварством ждала отказа, как вдруг он, загубив на корню мою блистательную речь, проговорил:

– Да, конечно, мы так и сделаем.

Я попыталась его вразумить:

– Да это же затрат не на один миллион! Что скажут ваши компаньоны?

Он взглянул на меня с проказливым блеском в глазах.

– А у меня компаньонов нет, я один. А с чего это вы вдруг так озаботились состоянием моих финансов?

Надменно пожав плечами, я уточнила:

– Не хотелось бы, чтобы вы грязь развели и бросили всё на полдороги из-за недостатка средств. К тому же рациональнее сначала новый зал подготовить, а потом уже старый освободить. Без перевалки, так сказать, а то нам и мебель-то некуда поставить.

Он одобрительно покивал головой, почему-то остановив свой внимательный взгляд на моей груди. Я сразу подобралась. Что он одобряет? Размер моей груди, признаюсь, далеко не маленький, или мое деловое предложение? Вот невежа! Он что, считает, что со мной будет легче договориться, если он будет подчеркивать мою женскую привлекательность? Но это уж вовсе откровенное вранье, потому что красивой женщиной я никогда не была.

Вдоволь налюбовавшись моим приятным видом, он на что-то решился:

– Да, так мы и сделаем!.. – Я не поняла, что конкретно он решил сделать, но он и не дал мне подумать, встав и быстро предложив: – А теперь, может быть, нам стоит поговорить с Абрамом Серафимовичем?

Пришлось подняться и пойти за ним. Выйдя из кабинета, я протянула руку, чтобы захлопнуть за собой дверь, но он, отстранив меня, затворил ее совершенно бесшумно. Не поверив в реальность происходящего, я сильно потрясла ее, но она и в самом деле было прочно заперта. Искоса посмотрев на усмехающегося спутника, почувствовала себя садисткой, издевающейся над безответной дверью с низменной целью досадить ему. Разубеждать Мамонтова, что это вовсе не так, не стала, пусть думает, что хочет.

Вышли на улицу и пошли вокруг дворца к главному входу, где обитал наш великолепный директор. Влад шел рядом со мной, привлекая внимание всех встречных женщин. Конечно, на него стоило посмотреть. Высок, симпатичен, на лице открытая улыбка. Весь из себя отменно положительный, имиджмейкер постарался на славу.

Его костюмчик на солнечном свете стал отливать ярким серебром, и я только тут заметила, что на шее у него повязан очень симпатичный сверкающий галстук. Залюбовавшись игрой радужных мерцающих искр, поскользнулась на небольшом пятчке нерастаявшего льда. Влад хищно подхватил меня под руку, как лев попавшуюся в его когти добычу. Выдираться было нелепо, всё – таки это такой старинный мужской обычай: придерживать приглянувшихся дам, чтобы не удрали раньше времени. Пришлось сделать хорошую мину при плохой игре, изображая, что мне это даже нравится.

Чтобы не молчать, спросила:

– А что такое было с вашей машиной? Починили?

Он сумрачно посмотрел на меня и наморщил лоб.

– Да никто так и не понял, в чем дело. Ни я, ни в автосервисе, ни в той фирме, что ставила сигнализацию. Вроде бы всё в порядке.

Я глубокомысленно заявила:

– Тогда вам придется признать, что ваша машина отличает меня от всех остальных. То есть она ко мне неравнодушна.

Он скептически хмыкнул, но согласился, для чего-то крепко сжав мне локоть:

– Да и я так думаю. Она к вам так же неравнодушна, как и ее хозяин.

Неприятный намек: ведь его машинка явно не пылала ко мне дружескими чувствами. Он ждал ответа, с нескрываемым интересом рассматривая мое лицо, и я внезапно заметила, что у него пронзительные голубые глаза под стать весеннему небу. Или, может быть, это небо в них отражается? Мягкая копна волос переливалась легкими золотистыми сполохами, точь-в-

точно как в рекламе о каком-то шампуне, и меня опять охватило насмешливое настроение. Не спросить ли его, каким шампунем он пользуется?

Зачарованно глядя на меня, Влад внезапно заметил:

– Какие у вас глаза озорные! Вы мне никакой каверзы не готовите?

Мне очень хотелось сказать ему что-нибудь провоцирующее, но я не успела: мы вошли в фойе, и нам навстречу, будто случайно, метнулась почуявшая добычу Любаша, наша тренерша по фитнесу. На ней были коротюсенькие розовые шортики и красный топик, оголяющий загорелый накаченный животик. Я с тихим восторгом закудаhtала, увидев не на шутку встревоженные глаза спутника.

– Ах, Яна Ивановна! Как хорошо, что я вас встретила! У меня к вам столько вопросов! А кто это с вами? – она сложила губки бантиком и кинула кокетливый взор в сторону напрягшегося Влада.

Усмехнувшись, я с удовольствием представила их друг другу. А что такого? Они вполне друг другу соответствуют. Любаша красивая штучка, да и он неплох. Но у Влада оказалось другое мнение. Вместо того, чтобы мирно обменяться телефончиками, как сейчас принято, он выставил меня вперед, отродившись от Любаши, как щитом, и мрачно пробормотал, объединяя нас с ним в несуществующую пару:

– Извините, но нам некогда! Мы спешим! – и резко потянул меня к директорскому кабинету.

Я только и успела, что извиняюще пожать плечами в ответ на моляще простертые к нам руки нашей секс – бомбы.

У директорских дверей Влад, бдительно оглянувшись, недовольно прочел мне нотацию:

– Чего вы мне каких-то дур сватаете? Думаете, у меня своих мало?

Старательно хлопая ресницами, как заводная кукла, я с нарочитым недоумением отозвалась:

– Да для коллекции. Ведь красивых девушек, как и денег, много не бывает!

Он раздосадованно посмотрел на меня, но, вновь встретившись с моим простодушным взглядом, промолчал.

Заслышав наши голоса, Абрам Серафимович уже нарисовался в дверном проеме. Заелозив, слащаво предложил:

– Заходите, заходите, гости дорогие! – и громогласно прикрикнул на свою секретаршу Зинаиду Васильевну: – Кофе нам приготовьте, да поскорей!

Зинаида Васильевна, дама запредельно пенсионного возраста, считала Абрама Серафимовича глуповатым мальчуганом, невесть какими интригами завладевшим постом ее предыдущего шефа, умнейшего, между прочим, человека, и мнения своего ни от кого не скрывала. Расслышав указание, недовольно запыхтела, смерила босса негодующим взглядом, но кофеварку королевским жестом всё-таки включила. Я залюбовалась ее величественной осанкой и гордой посадкой головы, делавшей ее похожей на Анну Ахматову.

Но от умирительного созерцания секретарши пришлось оторваться. Влад, не выпуская моей руки, повел меня в кабинет директора, двигаясь так по-хозяйски, будто это он, а не я, имел больше прав здесь находиться. А может, так оно и есть? Может, весь наш дворец принадлежит уже не профкому, а ему?

Мы зашли в директорские апартаменты и расположились в больших креслах вокруг овального стола.

Абрам Серафимович, нюхом почуявший, что гость не одобряет его столь вольного обращения с пожилой дамой, счел нужным пояснить свой неприличный вопль:

– Да глуховата она, знаете ли. Если не гаркнуть во всю мочь, то и не услышит ничего. Мне бы ее на пенсию отправить, ведь старость надо уважать, а на нее орать приходится, как

в лесу. Но мне ее жаль, мы с ней почти двадцать лет вместе работаем: она мне в наследство досталась от прежнего директора. Как переходящий вымпел, так сказать.

Успокоенный Влад открыл рот, пытаясь что-то уточнить, но его прервала вошедшая в кабинет Зинаида Васильевна, с сердитым звоном составившая на наш стол с принесенного ею пластикового подноса три чашечки черного кофе с сахарницей. Ложек, как обычно, не было. Я вышла вслед за секретаршей в приемную, вытащила из буфета набор мельхиоровых ложек и под ее недовольное бубнение «лазают тут всякие без спросу» вернулась в комнату.

Сахар себе в кофе сыпать не стала, предпочитая потягивать приготовленную Зинаидой Васильевной горькую бурду маленькими глотками. Мужчины же добавили в чашечки сахар и задумчиво выпили, будто совершая известный лишь им таинственный ритуал. После кофе перешли к делу.

Влад толково изложил свою позицию, и Абрам Серафимович тяжело призадумался, для активизации мыслительного процесса почесывая в затылке.

– Мысль хорошая, но вот как справиться с Валентиной Михайловной? – заметив недоумевающий взгляд гостя, пояснил: – Завхоз это наш. Цербер, а не женщина. Мы за всё мое директорство списали один-единственный диван, да и то потому, что в нем жучок завелся, проел его до трухи и я смог ее устроить, сказав, что и с остальной мебелью то же случится, если срочно не выбросим. А виновата в этом будет она. Этого она испугалась.

Влад вдруг коротко хохотнул и предложил:

– А вы аукцион устройте. И выбрасывать ничего не надо, и отхлама избавитесь, да и деньги заработаете. Сейчас ведь все так делают.

Мы с директором утешено переглянулись. А что, это мысль! И завхоз нам помешать не сможет: мы же не уничтожать будем казенное имущество, а продавать. На благо обществу, так сказать.

Поблагодарив гостя за мудрую идею, распрощались.

Развесили по микрорайону огромные объявления об аукционе, и в субботу стали по очереди вытаскивать из подсобок на улицу всякий хлам. К моему удивлению, народу пришло много и раскупали старье довольно активно, даже цены давали приличные. Выручили за всё почти пятьдесят тысяч.

Валентина Михайловна, чувствуя себя так, будто из нее по капле выпустили всю кровь, угрожающе пообещала, суетливо пересчитывая деньги:

– Вот увидите, узнает о вашей самостоятельности прокурор, и пойдете вы за это безобразие куда следует!

Директор воздел остатки некогда кустистых бровей к поредевшим волосам, но ничего прорицательнице не возразил. Пора бы ей уже в текущее время перебраться, вынырнув из эпохи развитого социализма, где ей так славненько жилось.

В понедельник начался настоящий кавардак. Влад не пришел, но заявились присланные им строители в пыльных зеленых комбинезонах и огромными кувалдами принялись рушить перегородки между опустевшими клетушками. То и дело оглушительно рычали перфораторы. Работать стало невозможно, но зато за два дня освободилось помещение метров на двести. Как раз на читальный зал.

Я впервые видела, как теперь работают профессионалы. Они приходили к восьми, уходили в десять часов вечера. Через неделю такой интенсивной работы новый читальный зал к открытию был готов.

Отделан он был великолепно. Стеклопакеты, навесные потолки, жидкие обои, ламинат с рисунком под строгий дубовый паркет были самого лучшего качества, в приятном кремовом тоне. Светло, красиво, не сравнить со старым, не сказать, чтобы убогим, но слишком, на мой взгляд, темным и чопорным залом. Мне очень понравилось, дома бы так.

За день бригада грузчиков аккуратно перетащила сверху столы, шкафы, стеллажи и книги, расставила всё на указанные места и, измочаленная нашей плотной опекой, отбыла восвояси.

Я слышала, как в коридоре здоровенный грузчик жаловался напарнику:

– Никогда бы не подумал, что какие-то несчастные книжонки могут так вымотать.

Я с некоторым сарказмом подумала: ну еще бы, сто-то с лишним тысяч.

Читатели поначалу возмущались, обиженные за библиотеку, но быстро смирились и по секрету говорили мне, что новый зал нравится им больше – приветливый и светлый, не то, что прежний.

Пару недель прожили спокойно, без потрясений, потом ко мне вновь заявился Влад. Я про него совсем забыла, много тут таких бывает. Появился он совершенно некстати, точнехонько перед лекцией о жизни и творчестве Андрея Рублева, которую читала сотрудница нашего краеведческого музея, Нелли Глебовна, умнейшая и образованнейшая женщина. Мужа и детей у нее не было, и она всю свою широкую душу вложила в древнерусское искусство, и говорить о нем могла часами.

В отличие от других лекторов слушать ее было истинным наслаждением, поэтому ее лекцию пропускать я ни за что не хотела. Тем более из-за какого-то малоуважаемого мной бизнесмена, пусть и вложившего в нашу библиотеку приличное количество денег. К тому же где гарантия, что старался он не для себя? Ведь профком свою собственность распродает без зазрения совести, а площади у библиотеки остались немаленькие. Лакомый кусочек, так сказать.

Наскоро поздоровалась с гостем, невольно отметив его претенциозный вид в строгом черном костюме и белой рубашке с темным галстуком. Постаралась всеми доступными способами показать, что я жутко спешу, и на часы без перерыва взглядывала, и глазки к потолку с досадой вскидывала.

Когда это не помогло, прямо ему сказала, что сейчас придет лектор, и мне, как организатору, нужно его встретить и представить аудитории. Любой мало-мальски сообразительный тип сразу бы освободил плацдарм, но этого ничто не пробивало. Он ухватил меня за локоть, явно для того, чтобы не сбежала, и обстоятельно выпрашивал:

– Понимаете, я чувствую определенное беспокойство, ведь я сдернул вас с привычного места – (ну прямо как курицу с насеста!) – и хочу что-нибудь для вас сделать. Чего бы вам хотелось? – при этом он так пылливо смотрел мне в лицо, что я невольно подумала, а о ком конкретно идет речь: обо мне или о библиотеке?

Стараясь побыстрее закончить разговор, протараторила:

– Да купите нам компьютер, и утишите свои страдания! Все будут довольны, и вы в том числе! А теперь извините, мне пора! – с трудом выдрала из его цепкой ручонки свой локоть и помчалась навстречу показавшейся в фойе Нелли Глебовне.

Будто не в силах расстаться с моей сверхпритягательной персоной, Влад поплелся следом. Пока я высокопарно приветствовала гостью, размахисто скинувшую мне на руки свой длиннополый плащ и оставшуюся в коричневом трикотажном платье, он упорно дышал мне в затылок, как бдительный телохранитель.

Я уже начинала закипать от негодования на его беспардонность, когда он посмотрел на часы, встрепенулся и, извинившись, ушел. Я с облегчением улыбнулась лекторше.

Насмешливая Нелли Глебовна без всяких церемоний прокомментировала появление здесь подобного фрукта:

– Ваш бойфренд?

Я вначале даже не сообразила, о чем это она. Уразумев, назидательно поправила:

– С чего бы это? Вы что, не заметили, что он моложе меня лет на десять? К тому же мы вообще из разных опер.

Она фривольно хихикнула:

– Да какая разница, где вы поете, важно, как он на вас пялился. Как будто сто лет женщин не видал.

С удивлением на нее посмотрев, я засомневалась в ее трезвости. Никогда раньше не видела ее под хмельком, но ведь всё когда-нибудь бывает впервые. Похихикивая, она томно закатила глазки и пошла в зал, энергично обмахиваясь ладошкой. Я-то особой жары не чувствовала, но с ее габаритами... Передав ее плащ на хранение нашей гардеробщице тете Гале, поспешила следом.

Читальный зал был переполнен и гудел, как улей. В этом тоже была своя прелесть, наверху мы полный зал никогда не собирали. А теперь казалось, что у нас тусуется, как сейчас стало модно говорить, весь цвет нашего микрорайона.

Представила Нелли Глебовну слушателям и села на крайнее место, рядом с выходом. Несмотря на интереснейшие вещи, рассказываемые ею, в голове вертелась одна мысль: с чего Нелли ляпнула такую чушь про бойфренда? Повеселиться захотела, или действительно заметила то, чего не замечаю я?

На этот раз наша лекторша превзошла самоё себя. Проговорив больше двух часов и сорвав громкие аплодисменты, с низким поклоном закончила блистательное выступление и принялась отвечать на многочисленные вопросы. Было уже девять часов, когда народ начал расходиться. Стемнело, фонари горели плохо, и я отправилась провожать Нелли на остановку. Посадив ее на автобус, помахала вслед рукой и пошла домой, по дороге забежав в ближний магазин за продуктами.

Дома, как всегда, царил великолепный бардак. Вместо того, чтобы учить уроки, сыновья напятили боксерские перчатки и молотили друг друга что было сил. Я разозленно посмотрела на охламонов. Они перестали махать руками, и, пыхтя, как небольшие бегемоты, встали передо мной, потные и взлохмаченные. Я молча указала на ванную. Через мгновение из нее донеслись дикие вопли и плеск воды. Даже помыться нормально не могут! Как же в моем доме нужна твердая мужская рука!

Через десять минут мы сидели за кухонным столом, неторопливо ужиная, чем Бог послал, а послал он нам пельмени, магазинные, но довольно съедобные. Мальчишки наперебой рассказывали мне о своих дневных подвигах. Я старалась относиться к их хвастливым речам спокойно, не то в следующий раз они мне ничего не скажут. Изредка, правда, не выдерживая их бахвальства, давала мудрые советы старшего по званию.

Пока прибрала на кухне, пока проверила уроки, сделанные кое – как, пока дождалась, когда домашние задания будут обоими переписаны в тетради, пока заставила детей улечься спать, пока постирала, часы отмерили второй час ночи.

В постель шлепнулась, как подкошенная. Утешив себя, что по крайней мере с меня никто не требует выполнения супружеских обязанностей, крепко уснула.

Глава третья

Два здоровенных парня в синих комбинезонах подтащили к моему кабинету картонные коробки. Один, повыше и посolidнее, басовито спросил:

– Яна Ивановна это кто?

Пришлось признаться:

– Я это! А вы кто?

Парни переглянулись и важно сообщили:

– А мы из фирмы «Веселые медвежата». Грузчики мы. Подарочек тут вам принесли.

Удивившись неожиданному презенту, я отошла в сторонку, стараясь не мешать. Парни занесли коробки, поставили их в угол, чтобы не загромождали проход, и убрались восвояси. Я прочитала надписи на коробках. Компьютер. Похоже, что это Владов подарочек. Морща лоб, прикинула, где же его установить. Самое оптимальное, отгородить местечко на абонементе и пускать к нему всех желающих. Бесплатно. Не у каждого же дома есть компьютер, читатели у нас небогатые. Пошла на абонемент, примерила, как это будет выглядеть, обсудила радостную весть с сотрудницами и через полчаса вернулась обратно.

У дверей кабинета, недовольно подпирая стену, ожидал мрачный Влад. Увидев меня, встрепенулся, как малыш при виде яркой игрушки, и широко заулыбался. И с чего бы это? Я подтянулась и развернула плечи, стараясь выглядеть не мяконькой, располагающей ко сну пуховой подушкой, а строгим начальником. Официальным тоном произнесла:

– Уважаемый Владислав Владимирович! От лица нашего небольшого, но дружного коллектива и всех наших читателей разрешите поблагодарить вас за сделанный нашей библиотеке такой нужный, такой своевременный подарок! Мне очень приятно, что среди наших бизнесменов есть еще ценящие культуру люди! – и энергично потрясла его сопротивляющуюся руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.